

Николай Переслѣгинъ

(Продолженіе *)

Петербургъ, 12 октябри 1913.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... не надо, не надо, Наташа!

Почему Ты такъ подозрительно мало пишешь о Маринѣ? Почему такъ заботливо объ отцѣ уже выздоравливающемъ и такъ обстоятельно о хозяйствѣ, до котораго намъ съ тобою въ концѣ концовъ очень мало дѣла?

Смѣшной Ты ребенокъ, родная! Вѣдь я же все вижу, все въ Тебѣ чувствую, насивозь, до дна. Ахъ ужъ эти мнѣ колючіе глаза въ темнотѣ, эти зеленые огни Твоей ревности!.. Какъ я ихъ знаю, какъ боюсь... какъ, прости меня, почти ненавижу, и какъ все-же люблю!

Надъ житейскимъ, спокойнымъ, тихимъ, но уже и глухимъ письмомъ Твоимъ они горятъ страшною, зловѣщею угрозой, и мнѣ жутко отъ нихъ, Наташа.

Скорѣй же, скорѣй, зажжемъ свѣтъ, моя милая, и не надо ихъ, не надо этихъ дикихъ зрачковъ въ дальнемъ темномъ углу. Ну полно-же, полно, несчастный, оцетинившійся мой звѣреньщикъ.

Очень прошу, погаси свои пылающіе огни, успокойся и постарайся, поскольку это возможно, вдушаться, вчувствоваться и вдуматься въ мои, прости, конечно всего только человѣчьи слова...

Я никогда не скрывалъ отъ Тебя, родная, что съ перваго же мгновенья нашей встрѣчи, мы съ Мариной сразу-

*) См. «Соврем. Записки», №№ 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21.

же какъ-то особенно почувствовали другъ друга. Не то, чтобы понравились другъ другу, пѣтъ, только¹ почувствовали... Но почувствовали какъ-то странно, необыкновенно четко; такъ, что «только почувствовали» быть можетъ не совсѣмъ вѣрно; въ этомъ «только» было очень многое.

Что я сразу же узналъ Марину и сразу же ощутилъ ее — и внѣшне и внутренне именно такую, какую я — ее — себѣ представлялъ — объяснимо быть можетъ ей пѣкоторымъ сходствомъ съ Борисомъ и всѣмъ тѣмъ, что я уже раньше зналъ о пей. Но почему и она, еще не выйдя изъ вагона, признала во мнѣ того самаго Переслѣгина, о которомъ почти ничего не знала и котораго никакъ не ожидала встрѣтить на вокзалѣ, — совсѣмъ уже непонятно.

Это «чувство» другъ друга за двѣ недѣли, втеченіе которыхъ мы вмѣстѣ ухаживали за Борисомъ, а потомъ и за Таней, очень усилилось. Изъ чувства *другъ друга* превратилось въ чувство *другъ къ другу*, въ большую душевную близость. И конечно мы разстались съ Мариной въ Гейдельбергѣ не просто добрыми знакомыми, и даже не просто старыми друзьями, а какъ-то гораздо сложнѣе.

Утро Марининаго отъѣзда мнѣ памятно во всѣхъ своихъ мелочахъ, Галенька.

Всю ночь мы провели вмѣстѣ около Тани, слѣдя за пульсомъ и мѣняя горячіе компрессы. На разсвѣтѣ (за открытымъ окномъ, занавѣшеннымъ пледомъ, оглушительно гремѣли птицы) Марина стала тихо собираться на вокзалъ. Перекрестивъ Таню, которая, словно сляясь проснуться, нервно вздрогнула подъ ея рукою, Марина подошла ко мнѣ проснуться. «Ради Бога, Николай Федоровичъ, не оставляйте Тани; она Бориса очень любила и мнѣ за нее страшно». Съ этими словами она безшумно вышла изъ комнаты... Чуть скрипнула дверь... чуть половица лѣстницы... послышались быстрые шаги подъ окномъ... потомъ все стихло, и я остался одинъ, въ этой новой тишинѣ, съ глазу на глазъ съ судьбою милаго,

больного и мнѣ совсѣмъ почти чужого существа, со страннѣмъ завѣщаніемъ другого, тоже неизвѣстно откуда появившагося въ моей жизни, — не дать этой судьбѣ затянуться въ мертвую петлю.

Черезъ годъ съ небольшимъ, уже женихомъ и невѣстой, проѣздомъ въ Москву мы навѣстили Марицу въ Вильнѣ.

Таня ѣхала съ большимъ безпокойствомъ и боязнью, что Марина не пойметъ ея, осудитъ за быструю измѣну Борису, которому она, своею любовью ко мнѣ, конечно же никогда не измѣняла.

Но страхъ оказался напраснымъ. Марина встрѣтила насъ очень сердечно и просто, и съ Танею была все время какъ мать заботлива и какъ сестра нѣжна. Таня была ей безконечно благодарна. Въ ея отношеніи къ Маринѣ было въ тѣ дни что-то сверхъ всякой мѣры восторженное и почти изступленное. Думаю, что восторгъ этотъ относился не только къ Маринѣ, но и къ Борису, таинственной встрѣчи съ которымъ Таня отъ Вильны, сама того не зная, все время взволнованно и страстно ждала.

Конечно, я не ревнивъ, Наташа, «паталогически», какъ Ты говоришь, не ревнивъ, но одного отсутствія ревности все-же мало, чтобы объяснить, почему меня въ тѣ дни такъ совсѣмъ не печалилъ приливъ Тапиныхъ чувствъ къ Борису и Маринѣ.

На мой теперешній слухъ, изощренный Твоею зоркостью въ дѣлахъ любви, въ моемъ тогдашнемъ настроеніи было нѣчто весьма странное, — какой-то очень сложный сдвигъ невнятныхъ чувствъ къ Маринѣ.

Думаю, что Танинъ уходъ въ свои воспоминанія о Борисѣ былъ мнѣ потому почти что пріятенъ, что, соединяя Таню съ Борисомъ, открывалъ и намъ съ Мариною возможность какой-то встрѣчи: совсѣмъ глухой, далекой, призрачной, и никакъ конечно не оспаривающей моей большой и настоящей любви къ Танѣ.

Всю недѣлю, что мы провели въ Вильнѣ, Таня каждый день ходила одна на могилу къ Борису. Какъ-то разъ

она очень долго не возвращалась. Мы съ Мариной ждали ее на террасѣ: Марина почему-то очень тревожилась за нее, я же былъ совершенно спокоенъ. Я рассказывалъ Маринѣ о томъ отчаяніи, которое охватило Таню, когда, придя въ сознаніе, она узнала, что тѣло Бориса уже отправлено въ Вильну; о томъ, какъ она метнулась было вслѣдъ за нимъ, но тутъ же снова нервно сломилась; о сложномъ ходѣ ея болѣзни и такомъ медленномъ выздоровленіи, скорѣе воскресеніи...

Марина слушала не очень внимательно, будто я рассказывалъ нѣчто, ей давно извѣстное. Въ ея темныхъ, печальныхъ глазахъ сиявала улыбка. Вокругъ губъ волновалась нервная дрожь... У воротъ остановился извозчикъ, и я инстинктивно оборвалъ свой рассказъ, оборвалъ вопросомъ — «хорошо-ли я исполнилъ данное мнѣ Мариной порученіе?»

Какъ это случилось, Наташа, не знаю, но только мой вопросъ своимъ произнесеніемъ вслухъ какъ-то внезапно осложнился. Не просто прозвучалъ и Марининъ отвѣтъ. Да и не странно-ли, въ самомъ дѣлѣ, было мнѣ, вознагражденному Таниной любовью, искать награды за все, что я сдѣлалъ для нея, въ Марининой благодарности; и не страннѣе ли еще было Маринѣ благодарить меня за исполненіе своей просьбы, зная, чѣмъ меня отблагодарила судьба за исполненіе своего долга.

Таня уже подходила къ балкону. Мы пошли ей навстрѣчу. Конечно, на Твой нравственный слухъ, Наташа, въ томъ, что навстрѣчу милой, несчастной, счастливой и довѣрчивой Танѣ мы съ Мариной сходили съ террасы объединенные странною общностью чувства: Марина — въ ощущеніи Танинаго счастья, какъ созданія своей мечты и я — въ ощущеніи себя, какъ послушнаго орудія ея полусознательнаго внушенія, былъ какой то почти грѣшный звукъ. Но для насъ все было право совѣсьмъ совѣсьмъ иначе. Съ безконечною нѣжностью, навѣянной кладбищенской грустью, обняла Таня Марину и съ твердою

вѣрою въ то, что я защищу ее отъ всѣхъ страховъ и призраковъ жизни, подошла ко мнѣ и оперлась на мою руку.

Въ прекрасномъ чувствѣ прозрачной, дружественной любви другъ къ другу, нигдѣ не перечерченной, хотя бы только и легкой тѣнью настороженности и подозрѣнья, вошли мы всѣ подъ руку (Таня шла въ серединѣ), въ уютную столовую подъ свѣтлую висячую лампу къ горячему самовару на кругломъ столѣ.

Клянусь Тебѣ, Наталенька, я всею душою, всею напряженною полнотою своей любви былъ въ тотъ вечеръ обращенъ къ Танѣ: къ безконечно дорогому, спасенному мною человѣку, къ такой плѣнительной для меня въ своей первности женщинѣ; и все же все это не мѣшало мнѣ и любоваться спокойною Марининой красотой, и чувствовать одержанную ею надъ собою побѣду и слышать свѣтлый зовъ ея отрѣшенной души и знать, что мнѣ не судьба оставить его безъ отвѣта.

Послѣ чаю мы съ Таней долго гуляли по саду.

Вильна давно уже спала глухимъ сномъ. Большая Медвѣдица стояла низко надъ городомъ, надъ самымъ костеломъ. За занавѣшаннымъ Марининымъ окномъ горѣла лампа (Марина на ночь подолгу читала) и то, что горѣла ея лампа, было почему-то пріятно и Танѣ, и мнѣ. Изрѣдка по дачному гдѣ-то били въ колотушку, изрѣдка тишину нарушалъ далекій извозчикъ...

Какъ всегда со стыдомъ, болью и юморомъ Таня нервно рассказывала о своемъ злосчастномъ дѣтствѣ и о первой встрѣчѣ съ настоящимъ человѣкомъ, Борисомъ (Какъ странно, Наташа, что если не въ ту же ночь, то все же въ тѣ же ночи Тебѣ о томъ же рассказывалъ Алеша). Мы разстались съ нею уже на разсвѣтѣ, но черезъ нѣсколько минутъ она неожиданно постучалась въ мою дверь. Вошла такая нѣжная и такая задумчивая:

«Тебѣ не непріятно, что я такъ много говорю о Борисѣ и хожу къ нему одна?»

Я взялъ тяжелый подсвѣчникъ изъ нея нерпо дрожа-

вшей руки, поцѣловаль ея бѣдненькіе, слабенькіе пальцы.

«Христось съ Тобою, Танечка; — не ревновать же мнѣ къ отошедшему. А потому Ты вѣдь знаешь, я твердо увѣренъ, что человекъ, не умѣющій помнить — всегда человекъ неспособный любить. Въ твою-же любовь я вѣрю и память Твою люблю».

Она вся изъ глубочайшей своей глубины не то что просіяла, а какъ то зажглась единственною своею улыбкой, такую счастливою, такой благодарною... Вся потянулась было ко мнѣ чтобы обнять меня... но вдругъ погасла, словно въ тѣнь вошла въ ту больную думу, съ которою поступалась ко мнѣ.

«Ты еще что-то хотѣла сказать, Танечка?»

«А ты развѣ знаешь?»

«Не знаю, но чувствую.»

«Да хотѣла... хотѣла сказать Тебѣ, что Марина (я вѣдь понимаю), тоже какъ и Борисъ — отошедшая, и что я ревновать Тебя къ ней не могу. Если-бы она была здѣшная, Ты конечно полюбилъ-бы ее, не меня. Но я знаю, ее нельзя любить, ей не нужна любовь. Она душою и жизнью давно съ ушедшими, не съ живыми. А мнѣ страшно въ жизни. Если Твоя любовь хоть на шагъ отступится отъ меня — я умру. Меня украдетъ смерть! Она меня ждетъ, всегда сторожить...»

Она говорила уже въ полубреду, судорожно хватаясь за мои руки и постепенно цѣпенѣя уходила отъ меня въ свой обморокъ-сонъ. Я уложилъ ее на кровать и сѣлъ рядомъ съ нею.

Въ двойномъ невѣрномъ свѣтѣ оплавившей свѣчи и зеленоватой мути восходящаго утра блѣдная какъ полотно, почти безъ дыханія, она лежала на высокихъ подушкахъ совсѣмъ какъ покойница. Несмотря на всю свою привычку къ ея болѣзни, мнѣ стало какъ-то жутко. Я пошелъ и разбудилъ Марину, сказавъ, что у Тани очень сильный припадокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Марина поступалась. Во-

шла, погасила свѣчу, отдернула шторы и открыла окна... подошла къ постели, взяла Танину руку — сказала, что пульсъ хотя и слабый, но ровный... Кромѣ какъ ждать и слѣдить за сердцемъ вѣлать было нечего. Я закрылъ глаза, внезапно услышалъ громкое воробьиное чирканье, и живую Маринину тишину надъ непроницаемымъ Танинымъ сномъ и вдругъ почувствовалъ, что однажды все это, всеѣмъ, всеѣмъ также уже свершалось въ моей жизни...

Я ни минуты не сомнѣваюсь, Наталенька, въ абсолютной искренности Марины; она человекъ исключительной духовной красоты. Но искренность — одно, а пониманіе себя — всеѣмъ иное. Думаю, что когда она за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего проѣзда черезъ Вильну писала Танѣ, какъ она счастлива нашей любовью, она не всеѣмъ ясно понимала себя. Да и трудно было ей въ то время разгадать свою душу. Чтобы понять, что въ ней происходило, надо понять главное. Главное-же, чѣмъ она тогда жила, была идея о какомъ-то монашесствѣ въ міру, о посвященіи своей жизни памяти матери. Отъ природы очень горячая, мечтательная и страстная, она естественно вносила въ свое служеніе все эти свойства своей души и своей молодости, т. е. въ концѣ концовъ всю свою жажду любви. Но на мечтѣ о личномъ счастьѣ для нея лежалъ тяжелый запретъ. Отсюда, Наташа, и вся сложность ея большого и глубокаго чувства къ Борису.

Борисъ былъ любимцемъ матери, и любовь къ нему перешла къ Маринѣ какъ-бы по духовномъ завѣщанію. Этого одного было-бы уже достаточно для объясненія необыкновенной напряженности ея сестринскаго чувства. Но было еще и другое: — Марина не только любила Бориса, но и была влюблена въ него тою особою романтической влюбленностью, которая свойственна душамъ отрешившимся отъ личной жизни.

Послѣ смерти Бориса, идея жизни, посвященной куль-

ту ушедшихъ, усиливается въ Маривѣ до трудно передаваемого напряженія. Ея письма къ Танѣ и ко мнѣ становятся все темнѣе и на днѣ все взволнованнѣе. Въ нихъ все чаще звучить безсиліе растворить свою романтическую влюбленность въ умершаго Бориса въ мистическомъ культѣ его безсмертной души. Чувствуется, что ей тревожно и очень одиноко.

И вотъ, Наташа, изъ всёхъ этихъ настроеній въ ней постепенно и растетъ ея сложное, на сломанныхъ отраженіяхъ и сдвигахъ построенное отношеніе къ Танѣ и главнымъ образомъ ко мнѣ.

Не знаю, можетъ быть, я подъ Твоимъ влияніемъ и подъ влияніемъ своего собственнаго разсказа беру на душу грѣхъ передъ Мариной, но сейчасъ мнѣ трудно не допустить себя до мысли, что Марицина идея, чтобы мы съ Таней полюбили другъ друга, была съ самаго начала связана съ несовсѣмъ простымъ чувствомъ ко мнѣ. Съ одной стороны, можетъ быть, со стремленіемъ заслониться нашею любовью отъ какихъ-то своихъ соблазновъ, съ другой — съ надеждою черезъ *сестру* Таню породниться со мною.

Да и дѣйствительно, Наташа, развѣ становясь (какъ ни неумѣстно это слово) вмѣсто Бориса Танинымъ мужемъ, я не становился тѣмъ самымъ для Марины братомъ, братомъ въ память страстно любимаго брата? Развѣ не вовлекался тѣмъ самымъ въ орбиту ея жизни и какъ очень близкій и какъ навсегда въ послѣднемъ смыслѣ у нея взятый человѣкъ? Не ясно-ли, что для ея въ смерть влюбленной страсти и на смерть раненой души такой поворотъ моей судьбы долженъ былъ представляться исходомъ изъ того одиночества, въ которомъ она оказалась послѣ смерти Бориса, и выхода изъ котораго она въ материнскихъ заботахъ о своихъ маленькихъ братьяхъ по всему типу своего душевнаго склада найти конечно никакъ не могла. Ужъ очень она не походила на Вертеровскую Лотту.

Еще разъ оговариваюсь, Наталенька, что я самъ сейчасъ не знаю, все-ли рассказанное мною дѣйствительно было, или я рассказалъ Тебѣ многое, чего на самомъ дѣлѣ и не было. Что было и чего не было, до конца знать никому не дано: вѣдь грани прошлаго въ памяти постепенно стираются, воспоминанія-же изо дня въ день, изъ года въ годъ все гранять по новому и по своему. Допускаю, что я въ наши отношенія съ Мариной вложилъ какой-то уже слишкомъ опредѣленный смыслъ, упростилъ ея отношенія ко мнѣ до какого-то эмоциональнаго сизологизма. Увѣренъ, что Марина ощутила бы мой рассказъ какъ направленную противъ нея стилизацію. Но сейчасъ мнѣ все это не важно, родная. Сейчасъ я никого и ничего не вижу, кромѣ Твоей ревности. Я писалъ охваченный только однимъ желаніемъ пойти какъ можно дальше навстрѣчу Твоей подозрительности, посмотрѣть на міръ Марининаго отношенія ко мнѣ Твоими глазами съ Твоей точки зрѣнія. Мнѣ необходимо, родная, милая Ты моя, выиграть бой противъ Твоей ревности не на моихъ и не на Марининыхъ позиціяхъ, а на Твоихъ!

Я никогда ничего не скрывалъ отъ Тебя, Наташа! Сегодня я сдѣлалъ больше: — я предположилъ въ своей душѣ дѣйствительно существующимъ то, что Тебѣ въ ней мерещится. Кое что самому неясное, я, быть можетъ, себѣ уяснилъ; кое-что невооруженному глазу невидное — увидѣлъ въ лупу Твоихъ подозрѣній, но предмета ревности все-же, родная, говорю по всей своей совѣсти, не обнаружилъ. Нѣтъ, нѣтъ, Наталенька, въ томъ большомъ и сложномъ чувствѣ, которое связываетъ насъ съ Мариной, нѣтъ и намекъ на какую нибудь Тебѣ враждебную любовь.

Ты вотъ только что до конца пойми, дорогая! Я познакомился съ Мариной задолго до встрѣчи съ Тобою и почувствовалъ то, что и сейчасъ къ ней чувствую раньше, чѣмъ полюбилъ Таню. Если-бы въ основѣ нашихъ отношеній дѣйствительно лежала любовь, почему-бы намъ дважды пройти мимо другъ друга? О, конечно я чувствую

въ Маринѣ (въ жизни все всегда вмѣстѣ) и близкаго человѣка и обаятельную женщину. Но въ глубинѣ глубинъ — она для меня все-же не человѣкъ и не женщина, а нѣкая музыкальная тема моей жизни и души: — скорбная, страстная, потусторонняя...

Я не знаю, Наташа, какъ сложились-бы мои отношенія съ Мариной, если-бы Таня осталась жива; но Танина смерть и тѣ ничѣмъ не объяснимыя, загадочныя обстоятельства, при которыхъ все произошло, настолько усилили въ моей душѣ Маринину тему нездѣшности нашей жизни, ея хрупкости и ея скорбности, что мнѣ отъ нея никогда и нигуда уже не уйти, милая.

Если-бы я даже и не считалъ такой уходъ грѣхомъ, онъ все-же былъ бы для меня невозможенъ. Своихъ даровъ судьба ни отъ кого не принимаетъ обратно. Но главное, главное, Наташа, чего Ты не можешь-же не чувствовать всеѣмъ своимъ существомъ, это то, что уходъ отъ темы Марины былъ-бы для меня и уходомъ отъ глубочайшей темы нашей любви. Повѣрь, никогда наша любовь не могла-бы стать для меня тѣмъ *воскресеніемъ изъ мертвыхъ*, какимъ она стала, если-бы вся ея мудрость была бы только въ забвеніи смерти. Забвеніемъ смерть не преодолевается, Наташа, смерть преодолевается только памятью! Моя тоска о Маринѣ — моя вѣчная память о Танѣ. Моя-же любовь къ Тебѣ — Преображеніе этой памяти во славу жизни! (Преображеніе, Наташа, но не предательство!) Пойми-же меня родная: — Ты и Марина не только объединены въ моей судьбѣ, но больше: — суть ея послѣднее единство: — тождество жизни и смерти во мнѣ.

Понять все это и принять въ свою душу и въ нашу жизнь образъ и тему Марины, полюбить его и овладѣть имъ, — сколько разъ я умолялъ Тебя объ этомъ, Наташа. И Ты знаешь какъ я бывалъ счастливъ, когда вѣрилъ, что для Тебя прозрачна душа моя и ясенъ путь моей жизни.

Что-же случилось? Двѣ встрѣчи съ Мариной, расска-

занная съ откровенностью и тщательностью, которая право должны были-бы обезоружить вскую ревность, и вдругъ въ отвѣтъ, какъ мимика глухонѣмого, выразительно дѣловито-короткое письмо.

Ахъ нѣтъ, совсѣмъ, совсѣмъ не такого ждалъ я отвѣта.

Я знаю, что говорю страшныя вещи, Наташа, но какъ не сказать, когда чувствую: — если Ты внутренне не осилишь темы Марины, то Ты неизбежно (не смогу я бороться) свергнешь мою душу въ одиночество, которое рано или поздно мертвымъ пространствомъ ляжетъ между нашими жизнями. Господи, какъ страшно писать объ этомъ! Хотя и не вѣрю я, что возможна такая минута, когда наша любовь не осилитъ Твоей ревности и моей истины, а все-таки страшно; сердце такъ безпомощно бьется и мечется...

Не могу больше писать, Таленька. Стршно усталъ, и грустно, грустно до слезъ.

Завтра буду опять писать. Христось съ Тобою, родная.

Весь и всегда, Твой Николай.

Петербургъ, 13 октября 1913 г.

И самъ не понимаю, Наташа, какъ это случилось, но я дѣйствительно только сегодня до конца понялъ самое непонятное въ Твоемъ письмѣ. Вѣдь Ты ничего не сообщаешь о своемъ пріѣздѣ! Конечно онъ — дѣло рѣшенное, но все-таки страшно, что на всѣ мои просьбы и доводы ѣхать какъ можно скорѣе, Ты не написала ни одного слова! Скажи, неужели-же разсказъ о нашей встрѣчѣ съ Мариной могъ хотя бы въ самой незначительной степени ослабить въ Тебѣ нетерпѣніе отъѣзда и омрачить радостное предчувствіе свиданія?

Если такъ, то я стою передъ совершенно непостижимымъ для меня фактомъ, стою передъ нимъ въ полной растерянности.

Что-же на самомъ дѣлѣ случилось? Чѣмъ, чѣмъ, скажи

ради Бога, погрѣшилъ я въ своей бесѣдѣ съ Мариной противъ Тебя и нашей любви? Чѣмъ наша послѣдняя встрѣча по своему смыслу и звуку грѣховнѣе тѣхъ, о которыхъ я писалъ Тебѣ и изъ Вильны и изъ Клементьева, о которыхъ мы съ Тобою такъ много говорили? Я напрягаю всю свою зоркость, весь слухъ — и все же ничего не улавливаю, ничего такого, что могло бы мнѣ объяснить зародившіяся въ Тебѣ сомнѣнія.

Въ прошлую субботу мы провели съ Мариной вечеръ совершенно такъ же, какъ уже не разъ проводили наши съ нею вечера. Такъ же интересна, какъ и раньше, была поверхностная бесѣда надъ глубокимъ молчаніемъ; такъ же печальна, какъ въ Вильнѣ, мертвая зыбь воспоминаній надъ затонувшей между нами жизнью, и только развѣ еще призрачнѣе, чѣмъ въ Клементьевѣ, смутная, бессильная Маринина мечта о какомъ-то проносящемся мимо нея праздникѣ, отъ огня котораго ей очевидно уже никогда не оторвать жадныхъ глазъ своей мертвой души. Въ Клементьевѣ эта душа хотѣла до утра танцовать, — сейчасъ она рвется на сцену...

Нѣтъ, я не забываю, Наташа, что наши прежнія встрѣчи съ Мариной и наше послѣднее съ нею свиданіе отдѣлены другъ отъ друга величайшимъ событіемъ Твоей и моей жизни: — тѣмъ, что мы стали женою и мужемъ. Но ради Бога, родная, объясни мнѣ, мучаюсь и не понимаю я, откуда Твоя воля и право любить не меня, а кого-то другого? Скажи, неужели-же Тебѣ не ясно, несмотря на всѣвѣщную парадоксальность моего вопроса, что я, лишенный того сложнаго, большого, скоро уже десять лѣтъ живущаго во мнѣ міра, который носить имя Марины, былъ-бы весьма непохожимъ на себя самого существомъ?

О конечно, я признаю, Наташа моя, что во имя Твоего чувства ко мнѣ, Ты не только вправѣ, но Ты должна требовать отъ меня всей моей единой и недѣлимой любви. Въ этомъ Твоемъ требованіи все мое счастье. Если-бы я не дышалъ имъ каждый мигъ своей жизни, я

ничего бы не зная о вѣчности и безмѣрности міра!

Но милая, что въ сущности происходитъ? О чемъ мы съ Тобою говоримъ? Не навоеденіе ли все это, и не схожу-ли я съ ума?

Неужели Ты дѣйствительно думаешь, что между мною и Мариной «начался романъ»? Но какъ? Когда? Вдругъ! Сразу!..

Рядомъ съ нашимъ прекраснымъ счастьемъ, изъ глубины моей тоски по Тебѣ, въ ожиданіи Твоего пріѣзда, среди моихъ заботъ объ Алешѣ и жажды оправданія нашей любви передъ нимъ? Ну ради Бога, Наташенька, ну развѣ это похоже на меня? Развѣ Тебѣ недостаточно только представить себѣ все это, чтобы сразу же понять, что *начаться* романъ у меня здѣсь не могъ. Онъ могъ-бы развѣ только вдругъ завершиться, сли бы онъ когда нибудь существовалъ.

Но вѣдь и такая возможность — сплошная невозможность, Наташа! Или по Твоему допустима мысль, что Ты, съ Твоимъ вѣщимъ ревнивымъ сердцемъ, Ты, которая знала каждое слово, сказанное между мною и Мариной, Ты, связанная съ Алешей страшною отвѣтственностью не только передъ его счастьемъ, но и передъ его жизнью — могла бы пойти за мною, не будучи всѣмъ сердцемъ увѣренной, что наша близость съ Мариной — совсѣмъ не любовь, и что кромѣ Тебя — я никого не люблю? Такую мысль я считаю безумной, Наташа! Такъ почему-же мои чувства къ Маринѣ, которыя Ты правда, и раньше не любила, но все-же не считала за любовь, вдругъ стали въ Твоихъ глазахъ любовью?

Быть можетъ это случилось во исполненіе почти неотвратимаго закона человѣческой природы, по которому ревность всегда растетъ вмѣстѣ съ любовью. Совсѣмъ уйти изъ подъ власти этого закона ревнивому человѣку вѣроятно нельзя, но ослабить его власть надъ собою осознаніемъ темной природы ревности все же можно.

Ну такъ давай-же съ Тобою, родная, постараемся

разобраться и въ ней самой, и въ тѣхъ путяхъ, которыми она забралась въ Твою душу.

Я конечно понимаю, что взревновавшей женской души легче повѣрить въ цѣлительную силу ворожбы или заговора, чѣмъ критическихъ доводовъ, но все же не могу и не хочу отказаться отъ вѣры во власть разумнаго созерцанія жизни въ ея самоочевидной, существенной подлинности! Для меня, Ты знаешь, философія не предметъ, которымъ я занимаюсь, не наука; а стихія, въ которой я живу: — принципиальность и страстность всей моей жизни, ея верховная творческая форма.

Пусть истиной нельзя владѣть — можно быть въ ея власти; пусть ее нельзя знать — можно ею неустанно становиться.

Вѣрю, что Твоя ревность пока еще ничему не угрожаетъ, но какъ знать не станетъ ли она уже завтра угрозой — нашему браку, верховной истинѣ моей жизни! А потому я долженъ противъ нея бороться.

Уже однажды я разрушилъ въ Тебѣ вѣру въ ложно понятый долгъ и отвоевалъ Тебя у Алексѣя, а потому и въ эту новую борьбу за Тебя я вступаю съ вѣрою въ свое оружіе, въ свою философію!

Ты не разъ говорила мнѣ, чтоя не ревнивъ, Наташа, и я всегда съ Тобою соглашался, потому что того чувства, которое обыкновенно зовется ревностью, я дѣйствительно никогда не испытывалъ. Но если уже говорить серьезно, то долженъ сказать, что если я, въ обычномъ смыслѣ этого слова, совсѣмъ не ревнивъ, такъ только потому, что я совершенно необычайный ревнивецъ.

Это очень просто и ясно, Наталенька. Всякое чувство, напрягаясь до предѣла, неизбежно перерождается въ свою противоположность. Не ясно-ли что Плюшкинъ скупъ до расточительности; что онъ скупостью своею совершенно такъ же прожигаетъ свое хозяйство, какъ самый легкомысленный мотъ? Но Богъ съ нимъ съ Плюшкинымъ, вернемся къ нашей ревности.

Ты, вѣроятно, помнишь мое письмо изъ Корчагина. Очень прошу Тебя, дорогая, припомни строки, посвященныя Марусѣ, и скажи, положи руку на сердце, не кажется-ли Тебѣ, что если ихъ прочесть зеленымъ глазомъ ревности, то можно пожалуй дойти до того, что и въ моемъ любованіи Марусей, которое (охотно признаюсь въ этомъ) въ сердцѣ еще свободномъ отъ любви могло-бы легко дорасти до настоящей влюбленности, увидѣть симптомъ моей малой способности къ супружеской вѣрности? Повѣрь, я остро чувствую до чего фантастично все, что я пишу: но вѣдь право не я виноватъ въ томъ, Наталенька, что мнѣ приходится писать о такой фантастикѣ, какъ самая простая, такъ сказать узаконенная, нормальная супружеская ревность.

Пишу же я вотъ для чего, дорогая. Допустимъ, что мое любованіе *образомъ* Маруси превратилось бы съ теченіемъ времени въ нѣкоторую влюбленность въ нее самое. Скажи, развѣ уже такъ ясно, что это было бы при всѣхъ условіяхъ ослабленіемъ моей любви къ Тебѣ, а не ея усиленіемъ?

Я не хочу защищать никакихъ парадоксовъ, Наташа, но право-же мнѣ ясно, что второй случай весьма возможенъ, и яснѣе яснаго, что если-бы со мною дѣйствительно и случился «случай», или какъ обычно говорится «грѣхъ», то онъ непремѣнно былъ-бы вторымъ, а не первымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что понравилось мнѣ въ Марусѣ? Въ чемъ почувствовалась ея своеобразная плѣнительность? Право-же, Наталенька, въ ея большомъ сходствѣ съ Тобою и ея любви къ Тебѣ. Если хочешь, я ею любовался, какъ новымъ измѣреніемъ Твоего очарованія, какъ своеобразнымъ варіантомъ Твоей эротической темы, какъ неожиданнымъ подтвержденіемъ моего страннаго ощущенія Твоей вседѣйственности, моего внутренняго убѣжденія, что Ты одна въ мірѣ только и существуешь и что въ Тебѣ одной даны мнѣ всѣ женщины.

Все это не построеніе, Наташа, но совершенно кон-

кретныя чувства, которыя я очень точно знаю въ себѣ. Вѣдь вотъ сталь-же мнѣ сразу непріятенъ гостившій въ Корчагинѣ губернской агрономъ, какъ только я замѣтилъ его «чувства» къ Марусѣ. А почему? Потому что для меня Маруся въ концѣ концовъ неотдѣлима отъ Тебя, значить не смѣть никого любить, кромѣ меня и не смѣть быть никѣмъ любимой, кромѣ какъ мною, и потому что глубочайшему моему инстинкту слышно, что вождѣлющій ея любви агрономъ вождѣлѣть въ ея любви и Твоей любви, и что отвѣчая на его чувства, она заставляетъ на нихъ отвѣчать и Тебя.

Но Маруся только примѣръ, Наталенька, и то, что она Твоя сестра, въ сущности не важно; все это только въ объясненіе того непосредственнаго, напряженно-живущаго во мнѣ ощущенія, что въ хороводѣ любви всѣ женщины милыя сестры, для всякаго любящаго любую изъ нихъ таинственно объединенныя въ единственномъ образѣ единой женской любви.

Говоря сейчасъ съ послѣднею искренностию, я долженъ сказать, что въ глубинѣ своихъ глубинъ я каждую женщину ощущаю, какъ созданную только для меня и предназначенную ждать нашего съ нею часа. Каждую, любящую другого, инстинктивно считаю злостной измѣнницей. Мнѣ непріятны всякя извѣстія о чужой любви; даже карточки, объявляющія о помолвахъ и свадьбахъ; даже смѣшныя, купеческія, стеклянныя кареты подъ невѣсту вызываютъ во мнѣ недобрыя чувства, въ которыхъ странно переплетаются мечтательная грусть и ревность и досада.

Мнѣ достаточно себѣ представить, что гдѣ-нибудь въ мірѣ, кто-нибудь, все равно кто, обнимаетъ влюбленную женщину, ту, никогда мною невиданную, что спѣшила къ нему на свиданье по солнечнымъ ступенямъ Scala d'Es-ragnia, или ту, что ждала его на опустѣвшей ночной палубѣ волжскаго парохода, чтобы сразу же почувствовать въ немъ не только своего личного врага, но и преступника противъ

мнѣ одному вѣренной и мнѣ одному вѣдомой любви.

Отъ всей глубины этихъ переживаній и отъ всего безумія такой ревности можно конечно отмахнуться утвержденіемъ, что если все это не совсѣмъ безпредметная фантастика, то скорѣе предметъ патологіи, чѣмъ философіи.

Не Тебѣ говорить мнѣ, Наташа, что это совершенно не такъ; что моя предѣльная, метафизическая ревность, несмотря на то, что она сторожитъ не только Твое сердце, но всѣ женскія сердца, не имѣетъ ничего общаго съ тою распушенностью, которая не пропускаетъ ни одной женщины безъ того, чтобы не оскорбить ея своей похотливой фантазіей. Похотливцамъ и чувственникамъ метафизическая ревность вообще не доступна, такъ какъ она возможна лишь тамъ, гдѣ человѣкъ духовно горитъ въ ревностномъ служеніи любви.

Знать такую ревность — значить знать всѣ муки сердца, несущаго въ себѣ даръ абсолютной любви, но осужденнаго въ брennomъ мѣрѣ любить смертное существо, значить своею влюбленной душой возставать противъ нисхожденія Любви въ мѣрѣ множественности, относительности и распыленности. Все изступленіе ревниваго сердца, его обреченность на то, чтобы безсонницей своей ревности сторожить каждое женское сердце, чтобы каждое держать въ своемъ терему подъ своимъ замкомъ — все это совсѣмъ не похотливая погоня за *каждой*, а требованіе, чтобы всѣ были *одной*. Какъ Калигула мечтала о томъ, чтобы у Рима была только одна голова, дабы ее можно было сразу отрубить, такъ всякій влюбленный всегда будетъ мечтать о томъ, чтобы во всемъ мѣрѣ было только одно женское сердце, дабы въ мѣрѣ можно было любить.

Розсыпь человѣческихъ словъ о любви богаче звѣздной розсыпи самага южнаго, самага темнаго неба. Но среди всѣхъ нихъ для меня нѣтъ болѣе нѣжныхъ, болѣе мудрыхъ, болѣе вѣчныхъ и болѣе точныхъ, какъ единственная и

единственный. Да, Наташа, всё любящіе другъ друга -- единственная и единственный! Для нихъ ихъ любовь всегда единственная во всемъ мірѣ, всегда единственная надъ всемъ міромъ, всегда единство всего міра — Богъ!

Но Богъ — развѣ онъ и среди другихъ боговъ еще Богъ, а не идолъ? Но вѣра — развѣ вѣра въ идоловъ еще вѣра, а не суевѣріе? Но наша любовь — развѣ и среди иныхъ любвей, она все еще любовь, а не мечта и невозможность любви?

Кто знаетъ вѣчную тайну любви, тотъ знаетъ и страшную тайну жизни: — неосуществимость въ жизни любви. Эта тайна, Наташа, самый глубокий корень ревности.

Да, не только Тебя я ревную, Наташа, ко всякому другому, но я ревную къ нему и всѣхъ женщинъ міра! Да, я хочу и требую, чтобы не только Ты была-бы мнѣ вѣрна, но чтобы въ Тебѣ мнѣ были вѣрны всѣ женщины! Нѣтъ, не допускаю я, чтобы въ мірѣ кромѣ нашей любви цвѣла еще гдѣ-либо любовь! И даже больше: чтобы наша любовь была-бы воистину любовью, необходимо, чтобы кромѣ насъ съ Тобою никого-бы не было въ мірѣ, чтобы всѣ женскіе чувства, взоры и души были-бы едины въ Тебѣ, всѣ мужскіе — во мнѣ; чтобы надъ нами былъ только Богъ, которому мы бы молились, а подъ нами вся тварь, которая намъ бы служила!

Не думай, дорогая, что моя метафизическая ревность -- отвлеченная схема, за которой ничего нѣтъ, кромѣ лично моихъ, мало кому свойственныхъ и съ настоящею кровною ревностью не имѣющихъ ничего общаго, переживаній. Увѣряю Тебя, это не такъ. Увѣряю Тебя, что метафизическая ревность въ искаженномъ видѣ встрѣчается въ жизни гораздо чаще, чѣмъ это видно на первый взглядъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ кажется, что она представляетъ собою, если къ ней повнимательнѣе присмотрѣться, не что иное, какъ самосознаіемъ углубленную форму той, вѣчно портящей всемъ намъ кровь «безпричинной» ревности, которую хорошо знаетъ не только

Позднышевъ, но и всякій обыкновенный, рядовой человекъ, понятіе которой давно уже стало почти что общимъ мѣстомъ нашего обиходнаго языка.

Почему-то не только большинство людей, но даже и большинство ревнивцевъ въ трезвые минуты склонны считать безпричинную ревность слѣпымъ, жестокимъ, бессмысленнымъ и чуть ли даже не животнымъ чувствомъ. Не можетъ быть ничего грубѣе и живѣе такого взгляда.

На мое ощущеніе безпричинная ревность самая аристократическая и благородная форма ревности, единственно чистая по своей метафизической линіи, единственно правая своею бессознательною связью съ верховнымъ смысломъ любви, и уже совсѣмъ конечно не безпричинная, если только не считать, что вполне очевидныя, внѣшнему разуму доступныя и на душевной поверхности плавающія причины являются единственными, господствующими въ нашей жизни.

Для того, чтобы намъ до конца понять другъ друга, Тебѣ необходимо, милая Ты моя Наташенька, добиться отъ себя возможно полнаго осознанія всѣхъ самыхъ глубокихъ и тайныхъ извиловъ своей ревности. А для этого, какъ мнѣ кажется, важнѣе всего научиться отличать въ себѣ чувство той, бессознательно всегда метафизической, безпричинной ревности, о которой мы все время говоримъ съ Тобою, отъ цѣлаго ряда совершенно иныхъ чувствъ.

Конечно, можно первую тревогу выстѣживанія намѣчающейся измѣны, — боль и позоръ внезапной утраты, — брезгливое презрѣніе къ свершающемуся обману, — жалость къ себѣ самому, — плачь по втоптанному въ грязь довѣрію, — изступленное требованіе: вернуть... казнить, — чувство безсилія, — невозможность прикоснуться къ своей собственной душѣ, изнемогающей отъ ожоговъ самолюбія — считать муками ревности, но только съ тѣмъ, чтобы помнить, что ревность, покоящаяся на ея самой осознанныхъ основаніяхъ, на фактахъ измѣны,

и совершенно *безпричинная* ревность — два, по своему звуку и смыслу настолько отличныя другъ отъ друга чувства, что лучше всего было бы не называть ихъ однимъ именемъ, хотя въ жизни *они встрѣчаются почти всегда вмѣстѣ*. Почему?

Правда безпричинной ревности заключается, какъ мы съ Тобою уже выяснили, Наталенька, въ томъ, что она питается хотя и неосуществимымъ, но все же и неустранимымъ требованіемъ любви быть единственной во всемъ мірѣ. Но не прозрѣвая, поскольку она не дорастаетъ въ высшей формѣ метафизической ревности до яснаго самосознанія этой своей правды, она неустанно ищетъ всевозможныхъ оправданій, легко подставляя въ процессъ этихъ поисковъ подъ скрытыя отъ ея взора метафизическія основанія изобрѣтаемыя ею самою обыкновенно весьма шаткія причины.

Порочный кругъ безпричинной ревности всегда одинъ и тотъ-же, Наташа. Она начинается съ подозрѣній на пустомъ мѣстѣ. Своими подозрѣніями разрушаетъ основу всякой любви — гармонию; взвнчиваетъ поислаго глухое ощущеніе дисгармоніи до остраго чувства несчастья и заставляетъ, наконецъ, несчастную сторону искать утѣшенія въ игрѣ въ новое счастье, которая никогда не кончается одною игрою. Господи, Наташа, какъ хочется мнѣ чтобы Ты поняла и приняла въ свою душу все это мое знаніе и видѣніе! чтобы Твоя слѣпая ревность превратилась въ мою, зрячую! Я знаю, Наталенька, что для Тебя «зрячая ревность» совершенно бессмысленное сочетаніе словъ, что Ты думаешь, что ревность неизбѣжно слѣпа, и про себя подозрѣваешь, что мнѣ какъ разъ потому въ ней никогда ничего не понять, что я думаю, что она можетъ быть зрячей. Но пойми-же, милая, что Твоя, *сознающая* себя слѣпой ревность наполовину уже не слѣпа: — слѣпая себя слѣпой не сознаетъ! Нужно только еще небольшое усиліе — и все спасено! Нужно только понять (я кажется все одно и тоже пишу, но трудно,

безконечно трудно рассказать мнѣ себя) нужно только понять, что ревность — совѣсть любви, прозрѣніе того, что всякая любовь на землѣ можетъ быть права передъ Богомъ лишь при условіи отрицанія своего предмета, какъ абсолютнаго. Вѣчная правда ревности въ ощущеніи, что всякая любовь не та; вѣчная же ея ошибка въ эмоціональной перефразировкѣ этой правды, въ подозрѣніи: — «что-то въ нашей любви не то». «онъ не тотъ», «онъ не можетъ любить», «онъ не любитъ меня», «онъ любить не меня» и т. д. и т. д... на самыхъ маленькихъ, самыхъ незамѣтныхъ сдвигахъ все глубже и глубже все ближе и ближе къ зловѣщему кратеру, къ страшному срыву въ безумьемъ объятую преисподнюю ревности...

Есть только одно обстоятельство, Наташа, при наличіи котораго борьба съ такою ревностью становится почти безнадежной, — это невозможность вѣрить тому, кого любишь. Слава Богу у меня нѣтъ сомнѣній, что Ты не только вѣришь всѣмъ моимъ словамъ, но вѣришь и моему молчанію, знаешь, что я ни сознательно, ни безсознательно ничего не умалчиваю. Слава Богу мнѣ не нужно доказывать Тебѣ, что не сегодня и не по соображеніямъ самозащиты сложилась во мнѣ моя философія ревности. Вспомни, родная, что я писалъ Тебѣ изъ Клементьева, когда впервые услышалъ въ Твоихъ письмахъ скорбныя и тревожныя ноты по поводу пріѣзда Марины, и Ты согласишься со мною, что я уже тогда ясно предвидѣлъ всѣ тѣ вопросы, которые на путяхъ любви должна намъ будетъ поставить жизнь и заранѣе продумалъ всѣ свои отвѣты на нихъ.

То, чѣмъ кончалъ письмо изъ Клементьева, тѣмъ кончаю и это, Наташа.

Нѣтъ, не вѣрю я, чтобы человѣческая любовь могла съ года въ годъ спокойно, безсознательно и непрерывно расти, какъ дерево изъ упавшаго на землю сѣмени. За все надо бороться и ее надо сознательно творить! Да-Наташа, *сознательно*. Сознаніе совѣмъ не холодъ, со,

всѣмъ не ложь! Сознательное стремленіе къ сознательному творчеству жизни самая благородная изъ всѣхъ доступныхъ человѣку *страстей*. Люди, знающіе только темныя страсти, вообще ничего не знаютъ о страстяхъ! Темныя страсти терзаютъ и пѣтуховъ и жабъ. Человѣкъ же только тамъ и начинается, гдѣ начинается воля къ свѣту и творчеству!

Всю свою любовь, Наташа моя, всѣми силами своей души зову я Тебя на подвигъ умнаго, упорнаго и страстнаго строительства нашей жизни по образу и подобию четко осознанной идеи. И да поможетъ намъ въ этомъ Богъ!

Жду отъ Тебя скорого отвѣта, Наталенька, и надѣюсь, что Ты отвѣтишь не письмомъ, а немедленнымъ выѣздомъ изъ Касатыни.

Увѣренъ, что какъ только мы увидимъ другъ друга, сразу же почувствуемъ, что Тебѣ совсѣмъ не надо было умалчивать о Маринѣ въ своемъ ревнивомъ письмѣ, а мнѣ обстрѣливать Твое молчаніе изъ тяжелыхъ орудій моей философіи. Быть можетъ Ты потому написала такъ глухо и мало, что все время жила рядомъ съ большимъ въ нѣмыхъ и затемненныхъ комнатахъ, а я такъ много и принципиально потому, что неустанно сдаю экзамены по философіи.

Ну, Христось съ Тобою, дорогая. Обнимаю и нѣжно цѣлую Тебя. Боюсь, что замучилъ мою тихую радость своей горячей атакой.

Весь Твой Николай.

Петербургъ, 18-го октября 1913 года.

Спасибо за письмо, Наталенька. За милую улыбку въ четыре странички — слегка смущенную, слегка лукавую, чуть виноватую; совсѣмъ Твою, совсѣмъ мою и только нашу. Что я ошибся — очень хорошо, красавица; что не совсѣмъ ошибся — еще лучше. Все хорошо, что хорошо

кончается. Лучшаго же конца нашей съ Тобою переписки о ревности, какъ высказанное Тобою мнѣніе, что ей не надо было-бы и начинаться, — намъ врядъ-ли можно было ожидать.

Ну, конечно же, Ты отнюдь не подозрѣвала меня въ какихъ-бы то ни было грѣховныхъ чувствахъ къ Маринѣ. Это такъ ясно. И конечно Тебя не могли не тревожить какія-то Маринины сложныя чувства ко мнѣ. Это такъ понятно.

Что Ты считаешь Марину гораздо интереснѣе себя — дѣлать честь не только Твоей скромности, но и Твоему мужеству, — вѣдь Ты ея совсѣмъ не знаешь.

Интереснѣе-ли Ты ея? — мнѣ сказать не легко, такъ какъ я не хочу быть нескромнымъ и превозносить то мужество, съ которымъ я остановилъ свой выборъ на Тебѣ.

Вообще же говоря, вопросъ интересности въ Твоей постановкѣ для меня неразрѣшимъ. Сказать, какая изъ двухъ женщинъ сама по себѣ интереснѣе другой, право нельзя, Таленька; и нельзя потому, что интересная сторона мужскихъ отношеній къ женщинѣ всегда заключается въ томъ, что та, что въ будущемъ, всегда интереснѣе той, что въ прошломъ; а порядокъ — дѣло случайное. Къ любви все это не имѣетъ никакого отношенія, не говоря уже о томъ, что любовь вообще не сравниваетъ, такъ какъ имѣетъ дѣло съ несравненной, единственной.

Надѣюсь, родная, что Ты пока согласишься удовлетвориться этимъ, хотя по формѣ и шуточнымъ, но все-же весьма серьезнымъ отвѣтомъ. Прости, не могу и серьезно писать, ужъ очень веселыми зайчиками дрожить у меня на душѣ золотая улыбка Твоего милаго письма.

Вотъ пріѣдешь, тогда о всемъ поговоримъ. Не задерживайся только слишкомъ долго въ Москвѣ. Конечно, повидать своихъ Тебѣ надо, но все же, прошу Тебя, постарайся справиться поскорѣе. Милая, пріѣзжай ко

миѣ не позже вторника, ну въ самомъ крайнемъ случаѣ въ среду. Очень миѣ надо, чтобы Ты была здѣсь и чтобы приняла въ свое вѣдѣніе всю проблему Марины. Пока не дамъ ея подѣ росписку собственнымъ Твоимъ глазамъ, — все не буду спокоенъ.

Тѣмъ болѣе, что въ ближайшее время мы съ Мариной будемъ чаще видѣться. Вчера подѣ вечеръ она со своимъ Всеволодомъ Валеріановичемъ (угрюмый человѣкъ, но смотреть на нее съ какимъ то совѣмъ уже сверхъестественнымъ восторгомъ) заходила ко миѣ сказать, что получила въ отрывкѣ изъ Росмерсгольма роль Ревекки. Не знаю, можетъ быть оттого, что пришла съ холоду и вѣтру, но только она показалась миѣ много моложе, свѣжѣе и даже какъ будто слегка полнѣе обыкновеннаго. Подѣ распахнутой, легкой пубкой виднѣлось изящное черное шелковое платье. Она была очень оживлена и, надо признаться, очень интересно говорила о Росмерсгольмѣ и о томъ, какимъ ей представляется «разрѣшеніе» роли Ревекки. Въ шутку я ей сказалъ, что если изъ нея не выйдетъ большой артистки, то во всякомъ случаѣ выйдетъ дѣльный режиссеръ, на что ея спутникъ, кажется, совершенно серьезно обидѣлся. Миѣ очень интересно, что Ты скажешь объ этомъ странномъ типѣ, который меня опредѣленно недолюбливаетъ и котораго я несовѣмъ понимаю. Пробыла Марина недолго и надо сказать безъ большого труда добилась моего согласія помочь ей въ работѣ надъ ролью. Говоря по правдѣ, миѣ сейчасъ совершенно некогда всѣмъ этимъ заниматься, но отказаться было совершенно невозможно.

Конечно, не получи я, какъ разъ передѣ приходомъ Марины, извѣстія, что Ты ко миѣ ѣдешь, я бы, вѣроятно, не согласился, но при Тебѣ миѣ ничего не страшно, Наталенька: — ни Твоя ревность, ни Маринино «сложное чувство», ни даже раздвоеніе своего собственнаго чувства (чувства, не любви, Наташа) между Мариной и Тобой!

Мы съ Тобою всегда очень любили Петербургъ. Надѣюсь, онъ встрѣтитъ насъ съ радушіемъ стараго друга и изобрѣтательной любезностью большого художника.

Итакъ, досвиданья, дорогая, до скорого свиданья въ туманномъ и блестящемъ Петербургѣ!

Весь вѣчно Твой Николай.

Федоръ Степунъ

Конецъ третьей части